

Н. Г. Чернышевский. Литературная критика. В двух томах. Том 1.

М., "Художественная литература", 1981

Подготовка текста и примечания Т. А. Акимовой, Г. Н. Антоновой, А. А. Демченко, А. А. Жук, В. В. Прозорова

[OCR Бычков М. Н.](#)

Господин Авдеев -- милый, приятный рассказчик. Его повести не оставались неразрезанными в книжках журналов: это много значит. И если бы какой-нибудь господин, вследствие мудрого правила не читать ничего в ужас или скуку приводящего, редко заглядывающий в русские книги, спросил нас, раскается ли он, прочитав "Роман и повести" господина Авдеева, мы поручились бы ему головою, что не раскается, -- поручились бы даже, что он прочитает их с удовольствием. Но если б он был так не деликатен в выражениях, что предложил бы нам свой вопрос в отрицательной форме: "должен ли я жалеть, что не читал повестей и романа г. Авдеева, и необходимо ли мне заглазить свой проступок?", то... мы не знаем, что бы мы сказали ему.

Отчего же мы не знаем на верное, что бы мы сказали? оттого, что г. Авдеев -- полная честь ему за это -- хороший, очень хороший рассказчик; но... но мы не знаем, может ли найтись в его "Романе и повестях" что-нибудь хорошего, кроме того, что рассказаны они хорошо.

Говорят, будто бы достоинство платья зависит единственно от того, хорошо ли, изящно ли оно сделано; но говорят иногда и то, что как бы ни изящно сделано было платье, а все-таки не годится оно, если сделано из поношенной материи или сделано не по мерке. Мы боимся, чтобы последнее замечание не было приложимо к произведениям г. Авдеева, которые subtilным изяществом напоминают произведения модного искусства: написаны они хорошо; но в романе нет свежести, он шит из поношенных лоскутков, а повести не приходятся по мерке нашего века, готового примириться скорее с недостатками формы, нежели с недостатком содержания, с отсутствием мысли. Мы боимся, что строгие люди скажут: в чем нет мысли, до того нам нет и дела. Впрочем, мало ли что могут сказать строгие люди! их нечего слушать; лучше посмотрим, что нам должно сказать о романе и повестях одного из любимых наших беллетристов.

Когда явились первые части "Тамарина" ("Варинька" и "Записки Тамарина"), которыми дебютировал г. Авдеев¹, все в один голос сказали, что это буквальное подражание "Герою нашего времени"; многие сказали еще, что в этом подражании, как и во всех буквальных подражаниях, искажен дух, смысл подлинника; что Лермонтов -- мыслитель глубокий для своего времени, мыслитель серьезный -- понимает и представляет своего Печорина как пример того, какими становятся лучшие, сильнейшие, благороднейшие люди под влиянием общественной обстановки их круга, а что г. Авдеев добродушно выставляет своего Тамарина истинно великим человеком и добродушно преклоняется перед ним². Г. Авдеев хочет придать своему произведению другой смысл. В предисловии к своему роману он говорит: "Автор разбора сочинений Пушкина заметил, что Онегин и Печорин составляют один тип, изменившийся при последовательном развитии³. Это замечание дало мне мысль проследить дальнейшее развитие типа "героев своего времени". Вот цель, с которой я задумал Тамарина. Лермонтов увлекся своим героем и поставил его в каком-то поэтическом полусвете, который придал ему ложную грандиозность. Слепленное ярким эффектом красок и искусной драпировкой героя, большинство увлеклось им и, вместо того чтобы увидеть в нем образец своих недостатков, стало рядиться в него, стало ему подражать; он породил Печориных в обществе. С этих-то действительных Печориных писан мой Тамарин. Показать обществу и человеку, как они обманывались, и показать разоблачение этого обмана -- вот в чем была моя задача". Действительно, такова цель и смысл последней из повестей этого романа -- "Иванов"⁴. Но "Иванов" (о нем речь впереди) писан через два года после "Рассказа Ивана Васильича", и автор мог измениться и изменить взгляд на своего героя в это время, мог -- при помощи критики⁵ -- разочароваться в Тамарине и позабыть, что был им прежде очарован, мог после увидеть в своих первых повестях не то, что действительно в них было. Примеров такой забывчивости о своем прежнем нравственном положении -- множество, и мы желали бы указать их, если бы не боялись, что и без того наш разбор будет слишком обширен. Одним словом, мы верим в искренность объяснения (или, скорее, оправдания);⁶ но до какой степени оно справедливо? Нет, не с подражателей Печорину писан портрет Тамарина, а черта в черту, сцена в сцену переписаны две первые повести этого романа с "Бэлы" и "Княжны Мери" из "Героя нашего